

цев нужно было изобразить в фельдмаршальских мундирах) Лауниц не справился с заказом, эту идею воплотил скульптор Б.И. Орловский в 1837 г.

По инициативе Александра в честь победы установили и ряд светских памятников. В частности, уже в 1812 г. у стен Московского Кремля разбили Александровский сад, в рисунке ворот и решётки которого (установлены в 1821 г.) отразились победные мотивы. В 1817 г. в парке Царского Села воздвигнуты парадные ворота «Любезным моим сослуживцам», в том же году в Москве возведено здание Манежа. Поистине уникальным памятником героям стала задуманная государем Военная галерея Зимнего дворца, которую составили портреты 336 генералов, участвовавших в военных действиях против Наполеона. В 1819 г. английский художник Дж. Доу получил монарший заказ на написание портретов для неё, «Пантеон российской славы» открылся 25 декабря 1826 г., год спустя после кончины императора.

Наконец, нельзя согласиться с попыткой противопоставить политику формирования памяти о войне, проводившуюся Александром I и его преемником. По словам Болтуновой, Николай, который «в отличие от старшего брата находился под сильнейшим впечатлением от событий 1812 г.», став императором, «сформировал свой проект памяти» (с. 358). На самом же деле он продолжил и развил курс предшественника. Во многих памятниках, возведённых в честь победы в николаевское царствование, по-прежнему находила отражение парадигма «священной войны». Так, Александровскую колонну, установленную на Дворцовой площади Санкт-Петербурга к 20-летию победы России и лично в честь Александра, венчает фигура ангела, попирающего крестом змею, что подчёркивает сакральный смысл войны и священный характер победы; ангел символизирует православную веру, победу христианства над мировым злом, безбожием и гордыней. Упомянутые выше памятники по типовому проекту Адамини представляют собой нечто среднее между античной колонной и православной часовней: их венчает луковичеподобная маковка с православным восьмиконечным крестом. Идея «священной войны» органично дополнила понятие «Отечественная война», которое появилось ещё в процессе борьбы с Наполеоном и закрепилось в ряде исторических трудов при Николае.

В заключение выражу недоумение по поводу названия монографии. Автор считает словосочетание «последний польский король» «точным попаданием» (с. 9), однако на деле Николай I — лишь последний монарх, который короновался в Варшаве. В дальнейшем коронации на польский и российский престол просто объединили. Царство Польское существовало до 1917 г., а титул «царь Польский» продолжал входить в титулатуру российского императора. Поэтому последним польским королём следует считать не Николая I, а Николая II.

Пол Верт: О коронах и забвении (и о многом другом) в новой книге Е.М. Болтуновой

Paul Werth (University of Nevada, Las Vegas, USA): On crowns and forgetting (and much else besides) in Ekaterina Boltunova's new book

DOI: 10.31857/S2949124X24060112, EDN: RLYXXN

Я прочёл новую книгу Е.М. Болтуновой с интересом и удовольствием. О ней хочется порассуждать из-за огромного количества интересных момен-

тов, любопытных сюжетов и ярких наблюдений, которые она содержит. Автор описывает отдельные события уникальной, но плохо освещённой в литературе коронации в Варшаве в мае 1829 г. настолько подробно, что создаётся ощущение присутствия при них. Не менее интересна и вторая половина книги, посвящённая политической стратегии «забвения» столкновений предыдущих двух столетий. Источниковая база поражает: завидное знание огромного массива исторической литературы сочетается с обилием материалов из архивов. В целом получилась содержательная, глубокая книга, мимо которой не сможет пройти ни один серьёзный историк польско-русских отношений XIX в.

Я не специалист по истории Польши, однако мне хотелось бы обсудить несколько тем этой монографии. Центральный вопрос, на который старается ответить Болтунова, таков: «Как выстраивалась логика мирного сосуществования с недавним врагом после окончания большой, разрушительной и победоносной для России войны?» (с. 23). Коронация 1829 г. явилась важной частью решения и этого вопроса, и вообще задачи включения территории Польши в империю Романовых. В её рамках созданное в 1815 г. новое Царство Польское обладало особой политической субъектностью. Составившие его земли попали в состав России «по праву завоевания», однако Александр I выбрал в их отношении особый путь: «Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты» (с. 18).

При этом речь шла не только об устранении повода для споров с поляками, но и о приобретении новых подданных: безусловно лояльных, не помнивших изоляции Александра от главных военных событий 1812 г. («бесчестье», по определению Болтуновой) и не говоривших за его спиной о дворцовом перевороте 1801 г. (с. 269). Такая стратегия, сопряжённая «с серьёзными сложностями» (с. 282), определилась ещё до окончания Отечественной войны. Уже в декабре 1812 г. император пообещал монаршее прощение всем полякам, находившимся на службе неприятеля, если они покинут ряды противника. И когда после отречения Наполеона в 1814 г. польские войска сдались, Александр объявил: «*Я предаю прошедшее полному забвению*» (с. 285)²⁵. Вслед за этим последовал манифест о всеобщей амнистии, причём монарх не побуждал поляков произносить слова раскаяния или признавать вину.

Появление Царства Польского явилось развитием обозначенного курса, как и описываемая коронация (в которой, к слову, приняли участие офицеры, служившие в армии французского императора). О событиях 1812 г. старались не вспоминать. Русские и поляки должны были стать «братьями», несмотря на то что этот союз зиждился «на тысячах убитых под Смоленском, при Бородино, Малоярославце, Лютцене, Кульме и Лейпциге» (с. 257). Предстояло забыть и о событиях Смуты XVII в., интерес к которым в России 1810–1820-х гг. устойчиво нарастал, — это, по мнению автора, «мало чем отличалось от стратегии забывания Отечественной войны» (с. 440). Основанием для единения выступала историческая борьба с Турцией — из этих соображений Николай сопоставлял себя с Яном Собеским. Он и после восстания 1830–1831 гг. в определённой степени оставался заложником идеологии, «которая зиждилась на забывании и установках на создание нового единства» и «продемонстрировала явную

²⁵ Здесь и далее курсив во всех цитатах авторский.

устойчивость» (с. 476). Правда, польскую конституцию заменил Органический статут, однако он не отменял коронование имперского монарха как польского короля, а лишь соединил две коронации в одну в Москве. Император «не нашёл возможности просто перечеркнуть александровское установление» (с. 485).

Статус Царства Польского оказался во многом уникален. Это стало особенно очевидно после смерти Александра I. Документы Печальной комиссии, занимавшейся похоронами императора, демонстрируют, что вопрос о том, как подчеркнуть особое положение региона, «стал едва ли не самым важным» (с. 35). В шествии с гробом покойного земли имперской короны оказались «выстроены в абсолютно зримую иерархию», в рамках которой Царство «оказывалось исключительно значимым» (с. 35). Привилегированное место Польши и далее блюли главные герои повествования — император Николай и вел. кн. Константин. Автор рассказывает о церемонии передачи короны империи с российской территории на польскую по пути на коронацию, причём число участников процессии с обеих сторон было одинаковым, указывая на «равенство в политическом отношении России и Польши» (с. 134). Польская субъектность также выразилась в разных версиях коронации для Царства и остальной империи, которые озвучили разные толкования происходившего и по-особому расставили акценты в них. Языками коронации 1829 г. стали польский и французский, а Николай согласился использовать полонизированный вариант своего имени: «Миколай».

Разумеется, идея политической «субъектности» Польши (с. 17) жила и в сознании самих поляков. В 1830 г. восставшие прямо заявили о ней в декларации о лишении российского императора престола: народ польский *«является независимой нацией и имеет право тому корону польскую отдать, кого её достойным сочтёт»* (с. 458). Она «была... неоспорима» и для вел. кн. Константина, который «оказался в ловушке» при попытках осмыслить новые реалии (с. 473). Однако с российской точки зрения низложением Николая «Польша буквально сбрасывалась с пьедестала политической субъектности, превращаясь в территорию проигравших, в пространство, завоёванное силой русского оружия» (с. 464).

«Последний польский король» содержит много интересных наблюдений о статусе разных земель в Российской империи. Так, для своего покойного брата Николай одобрил следующую надгробную надпись: «Александр I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский, и прочая и прочая и прочая» (с. 36). Примечательно, что в этом процессе Царство как бы тянуло за собой и Великое княжество: занимавшее лишь 15-е место в титуле государя в 1808 г., оно теперь вошло в заглавную триаду. Очень интересно обсуждение идеи Александра I о воссоединении Литвы (в составе империи с 1790-х гг.) с Царством²⁶. Если присоединение «старой Финляндии» к новоприобретённому княжеству в 1811 г. не вызывало протеста в российском обществе, то теперь начались острые споры (с. 384). Разные позиции заняли и Константин с Николаем: первый «с жаром» (с. 62) выступал за реализацию этого плана, второй выражал явное несогласие. В итоге проект реализовался частично: в 1822 г. Константин как наместник в Польше получил военную власть не только над Царством, но и над частью западных губерний (с. 52).

²⁶ Следует подчеркнуть, что, хотя в состав Речи Посполитой до 1772 г. входила также Белоруссия, речь о её включении в расширенную Польшу не шла (*Сталюнас Д.* Польша или Русь?.. С. 60).

Автор также показывает, что в ходе восстания Николай некоторое время «размышлял над самоубийственным для представителя власти вопросом отказа от части территории собственной страны». Он предполагал полностью избавиться от Царства — по его словам, из него Россия не может извлечь «никаких действительных выгод» (с. 462). В целом в книге поднято много вопросов, наталкивающих на размышления о территориальности России, показано, что под покровом видимой стабильности границ крылись мысли о крупных изменениях.

«Последний польский король» — яркий пример истории эмоций. Речь о разных чувствах идёт почти на каждой странице, начиная с первого раздела первой главы («Страх»). Автор приводит множество примеров различных переживаний, которые испытывали герои книги: отвращение, унижение, восторг, любовь и т.д. Она утверждает, что апелляция к этническому единству между поляками и русскими нуждалась в основании не столько рациональном, сколько эмоциональном (с. 348), а Александр I сформировал с польскими подданными «эмоциональное сообщество» (с. 274). «В целом можно говорить о том, что эмоциональный режим эпохи апеллировал к категории “любовь” наравне с категорией “братство”», вследствие чего «покорившие оказались покорёнными, что обеспечивало легитимность александровской, а затем и николаевской политике на западных территориях империи» (с. 380). Попытки Александра превратить поляков из врагов в храбрецов, которые, подняв оружие против России, лишь благородно выполняли долг, также во многом объяснялись эмоциональным порывом.

Книга предлагает «реабилитацию» Николая I. В повествовании император выглядит достойно, и автор строит рассказ так, что читатель почти вынужден симпатизировать ему. Старший брат Константин «был постоянной головной болью» (с. 46) и отношения между ними представляли «конкурентную борьбу», с «мучительной перепиской» (с. 60). Подчёркнуто, сколько трудных решений стояло перед Николаем в связи с коронацией. Проводить ли её вообще? Где именно устроить церемонию? Какое место должно занять католичество в возведении на трон православного монарха? Повторить ли клятву о соблюдении конституции, уже данную в манифесте в Петербурге в конце 1825 г.? Какую именно корону использовать?

Ключевые категории для Николая — «честь» и «долг» (с. 89), чувство обязательства перед подданными в Царстве. Он, преодолевая «отвращение», прилагал много усилий, чтобы понравиться полякам. По поводу восприятия им собственных действий в Варшаве автор замечает: «Внутреннее состояние Николая-человека не согласовывалось с эмоциональным режимом, который установил (и которому обязал себя следовать) Николай-император» (с. 226). Обращает на себя внимание сдержанность монарха после Польского восстания. Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы начать военные действия против мятежников — и не только потому, что требовалось время для сбора армии. Центральным в решении прибегнуть к военной силе явился акт низложения с престола. До того Николай усердно старался найти выход из кризиса, обещая прощение и предполагая, что «изгладить минувшее» ещё не поздно (с. 444). Он даже встретился в Петербурге с польскими переговорщиками, которые после аудиенции получили право беспрепятственно вернуться в Варшаву, и во время разговора обратился к ним с просьбой помочь найти выход: *«Укажите Мне на средство к мирному решению вопроса, средство пригодное*

для польского Царя, который в то же время есть русский Император» (с. 453). Как видим, оказавшись заложником стратегии старшего брата, Николай вёл себя достойно и даже великодушно. Вина за трагедию легла на поляков.

Всё это демонстрирует, до какой степени исследование сосредоточено именно на российском восприятии событий. «Это книга не о Польше. Она о России», заявляет автор в введении и утверждает затем, что предыдущий анализ зиждился на польской интерпретации (с. 23). Российский взгляд отсутствовал, и вполне понятно желание восполнить этот пробел. Но точно определить отношение автора к происходившему непросто. Местами книга читается как аргумент в пользу российского видения проблемы, иногда кажется, что Болтунова разделяет возмущение польской «неблагодарностью». Это особенно ярко видно в главе о финансах империи, показывающей, сколь существенные выгоды и денежные субсидии получила Польша. К примеру, выплата долга казне империи (составлявшего к 1830 г. 67,7 млн злотых) постоянно откладывалась, и он так и не был возмещён. «Российская казна платила и платила, записывая расходы в долг», что позволило Царству «сохранить образ стороны, которая платит за себя» (с. 317). Как образно выражается Болтунова, «Россия не стала взыскивать с Польши моральные долги, она также не смогла взыскать и долги финансовые» (с. 319), и поэтому можно говорить о «новой политической реальности, в которой враг оказывался награждён» (с. 321). Последняя реплика книги — о том, что после Второй мировой войны можно было бы восстановить половину Смоленска на те средства, которые пошли на сооружение «сталинской» высотки в Варшаве. Во всём этом, как мне кажется, заметна обида автора за империю и даже некоторое негодование. Будет интересно посмотреть, как на данные аргументы отреагируют польские историки.

В итоге книга рассказывает историю трагическую, но подчеркну, что задача, стоявшая перед русскими монархами в 1815 г. и позднее, изначально оказалась очень трудна. Подход Александра (продолженный Николаем как минимум до 1830 г.) был не лишён остроумия, больше того, в тех условиях, пожалуй, лучшего варианта бы не нашлось.

Два последних замечания. Прежде всего такая богатая книга нуждается в полноценном заключении, а не только лишь в послесловии (последняя глава, правда, названа «заключением», но на самом деле этой функции не выполняет). Далее, пользуясь возможностью, с сожалением констатирую активное проникновение в русскую академическую прозу англо-американского научного жаргона (как часто приходится ныне читать о «не проблематизирующихся дискурсах» и тому подобном!). Чаше всего такой жаргон лишь извращает русский язык, вряд ли что-то добавляя к содержанию текстов (притом, отмечу, звучит ничуть не лучше и по-английски). К счастью, исследование Болтуновой свободно от этого недостатка, поэтому его приятно читать. Это пример, которому, по моему скромному мнению, должны следовать другие авторы.